

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

КОТЯТКИ.

УЖЕ ВЕСНА (стих.).

НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ
(повѣсть.).

ВЕСЕННИЙ МОТИВЪ (стих.).

МАЛЬЧИКИ И ФРАМЪ.

ГОЛОВЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

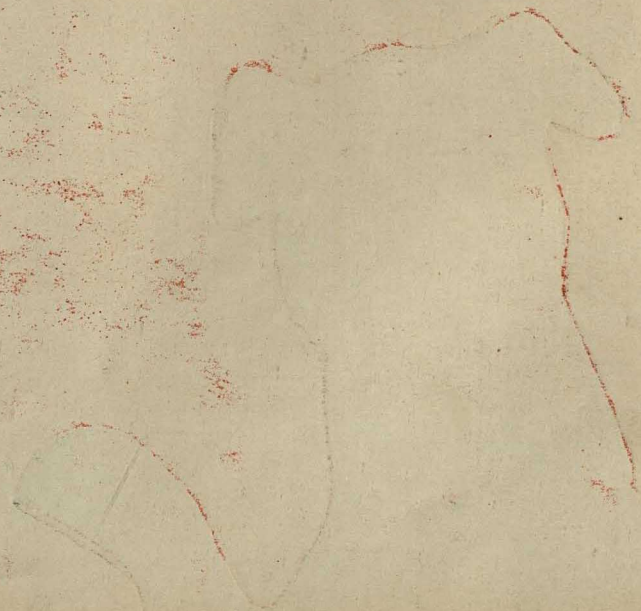
Пароходъ у пристани (для склеиванія).

GEORGE D. CROSBY

NEW YORK

№ 8. Февраль. 1915. Годъ изданія VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

... Мурка оглядѣла зайчатъ, обнюхала и облизала.

КОТЯТКИ.

Папа еще съ вечера уѣхалъ въ городъ на засѣданіе и когда Костя и Надя проснулись утромъ, то до ихъ слуха донеслись какіе-то шумные голоса: говорили на кухнѣ няня съ кухаркой, громко кричалъ буфетный мужикъ Гаврила и пицала дѣвочка-судомойка Катька. Всѣ говорили вмѣстѣ и изъ ихъ разговора нельзя было понять ровно ничего.

— Побѣжимъ туда! предложилъ Костя и глаза его засверкали.

Онъ и Надя выпрыгнули изъ кроватокъ и, какъ были, босые и въ однихъ рубашонкахъ, побѣжали въ кухню. Тамъ они увидели Гаврилу, который стоялъ посрединѣ и, громко крича, отмахивался отъ няни и кухарки.

— Говорю вамъ, что баринъ приказалъ! кричалъ онъ.—Нешто моя воля?

А кухарка заслоняла собою что-то, находившееся въ углу, и тоже кричала:

— Не отдамъ! Уходи! Она тоже мать! Ей своихъ дѣтей жалко!..

Дѣти въ удивленіи остановились у порога.

— Няня, что такое? спросилъ Костя.—Чего они такъ шумятъ?

— У-у, безстыдники! воскликнула няня.—Прибѣжали сюда съ голыми ногами!.. Уходите назадъ!

И она взяла ихъ за руки и сильно вывела изъ кухни.

— Да что тамъ такое? спросила Надя.— Ну расскажи-же, няня! Чего они тамъ такъ кричатъ?

Старушка махнула рукой и нехотя отвѣтила:

— Кошка окотилась!.. Такая досада, право... Некуда будетъ котятъ дѣвать..

Боже мой! Въ домѣ котятки! Какая сказочная, неслыханная радость.

И, громко взвизгнувъ, дѣти заспѣшили кое-какъ одѣваться. Неужели нужно еще надѣвать эти противные чулки, эти башмаки, которые такъ долго приходится всегда зашнуровывать, неужели еще нужно умываться и причесываться, когда на кухнѣ такая радость!

— Да не спѣшите такъ, успѣете!.. убѣждала ихъ няня.—Онъ возьметъ, но еще не сейчасъ!

— Кто возьметъ?—Зачѣмъ возьметъ?.. испугались дѣти.

— Гаврила... Пока еще котята слѣпые, онъ хочетъ ихъ утопить!

Нѣтъ, этого не можетъ быть никогда! Дѣти не позволятъ этому грубому чернобородому Гаврилѣ совершить въ ихъ усадьбѣ такое вопіющее преступленіе. Какъ-бы ни были нежеланны въ усадьбѣ

котятъ, но кошка можетъ быть вполне спокойна за своихъ дѣтенышей и можетъ быть увѣрена, что Костя и Надя напрягутъ всѣ свои усилія, чтобы только спасти этихъ новорожденныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ котятъ!

Дѣти совершенно не обратили вниманіе на то, какъ они умылись и одѣлись и что они пили, чай, кофе или молоко, и выбѣжали въ кухню. Тамъ ужъ Гаврилы не было и разговоры прекратились. Кухарка вертѣла мясорубку и Катька мирно чистила картошку.

— Гдѣ? Гдѣ? спросили Костя и Надя разомъ.

— Да вонъ подъ столомъ!.. указала, не оборачиваясь, кухарка.

Въ углу, подъ тѣмъ столомъ, за которымъ обыкновенно пили и ѣли въ кухнѣ, въ рѣшетѣ лежала кошка и тихонько мурлыкала. Передъ нею стояло въ глиняномъ поддонникѣ изъ подъ цвѣтка молоко. Разставивъ стройно ушки, кошка доврчиво смотрѣла своими зелеными съ черненькими стрѣлками глазами и по всей ея мордочкѣ было разлито выраженіе того, что она теперь мать и счастлива, что у нея теперь пятеро маленькихъ ребятъ. Цѣлыхъ пятеро! Какъ она довольна!

Дѣти подсѣли на корточкахъ къ рѣшету и стали смотрѣть. На ихъ лицахъ тоже было написано блаженство. Маленькіе, сѣренькіе, слѣпыя котятки копошились около

своей матери и тупенькими мордочками тыкались въ ея мѣхъ, отыскивая ѣды. Кошка хрумкала, котятки пищали и дѣтямъ это показалось настолько интереснымъ, что они присидѣли-бы такъ цѣлые часы и не вспомнили-бы ни о чемъ.

— Какіе славненькіе! воскликнула Надя.—Тѣ два будутъ твои, а эти трое сѣренькихъ мои! Хочешь?

И они еще долго обсуждали, какъ подѣлить между собою котятъ.

Но этотъ дѣлежъ не удовлетворилъ ихъ. Имъ хотѣлось дѣятельности, имъ нужно было хлопотать, устраивать, сдѣлать что нибудь такое, отъ чего-бы кошка пришла въ восторгъ и сама отдала бы на ихъ попеченіе своихъ котятъ.

— Знаешь, что? предложилъ Костя.—Давай ихъ сейчасъ покормимъ! Мурка будетъ за это за насъ Бога молить!

— Давай!

Они выпросили у кухарки молока и мяса, поставили ихъ около рѣшета и, вытащивъ изъ подъ кошки котятъ, стали обмакивать ихъ мордочками въ молоко.

— Гм... Странно!.. сказала Костя.—Не пьютъ!..

— А ты всунь ему въ ротъ мяса! предложила Надя.

Костя сталъ открывать ротенку ротъ, пыхтѣлъ, сопѣлъ, но у него ничего изъ этого не вышло.

— Онъ ничего не видитъ! сказала Надя.—Ты открой ему глаза! Онъ увидитъ молоко и говядину и съѣсть!

Костя попробовалъ открыть кон-тенку глаза, но и это не увѣнчалось успѣхомъ.

— Тетенька, смотрите! вдругъ обратилась къ кухаркѣ Катька.— Они мучаютъ кошениатъ!

Кухарка отмахнулась отъ нея и снова принялась за котлеты.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось это кормленіе, если-бы въ сѣняхъ не послышались вдругъ голосъ и шаги Гаврилы. Дѣти вспомнили, что онъ собирался утопить котятъ, испугались и вскочили на ноги.

— Гаврила! воскликнулъ Костя.—Надя, забирай скорѣе котятъ! Понесемъ ихъ въ дѣтскую!

На плитѣ что-то сбѣжало, кухарка бросилась открывать кастрюлю, Катька всегда приписывавшая своей винѣ всякое подгоранье и перекипанье на плитѣ, тотчасъ-же стала ковырять въ печкѣ кочергой. Гаврила задержался около чего-то въ сѣняхъ. Дѣти воспользовались этимъ и бросились къ котятамъ.

— Подставляй фартукъ! скомандовалъ Костя.

Надя подставила бѣленькій фартучекъ и Костя быстро свалилъ въ него всѣхъ пятерыхъ новорожденныхъ.

— Идемъ въ дѣтскую!

Они выскочили изъ кухни. Кошка съ жалобнымъ мяуканьемъ побѣжала вслѣдъ за ними.

Десять минутъ спустя, войдя въ дѣтскую, няня увидела умилительную картину: котята лежали кучечкой прямо на подушкѣ у Нади и тутъ же у кровати ходила и кошка и жалобно мяукала.

— Это еще что такое? возмутилась няня.—Ахъ, вы озорники! Примите сейчасъ-же съ подушки эту нечисть! Отнесите ихъ въ кухню!

Но развѣ можно разстаться съ котятами и нести ихъ въ кухню, когда тамъ разговариваетъ, какъ труба, ненавистный Гаврила.

— Нянечка, мы сейчасъ!.. заговорили дѣти.— Мы только немножко!..

Но няня оставалась неумолимой. Все, что касалось чистоты, заставляло быть строгой даже ее, эту добродушную старушку.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжала она. Сейчасъ-же ихъ принять съ подушки!

Дѣти взяли котятъ и уложили ихъ въ уголку за диваномъ. Тамъ, въ теплой постелькѣ, которую устроила для нихъ Надя, и въ полумракѣ, для нихъ будетъ удобно и пріятно и теперь няня можетъ успокоиться. Кстати и кошка прыгнула туда къ нимъ и стала ихъ кормить!

Дѣти выждали, когда котята успокоились и замолкли, и заглянули въ уголъ.

— Тссс!.. сказалъ Костя. — Спать! Заснули!..

И тихонько, на цыпочкахъ, чтобы не разбудить кошку и ея ребятъ, мальчикъ и дѣвочка вышли изъ дѣтской.

Въ саду было такъ ясно и тепло, такъ густо пахло цвѣтами, такъ весело щебетали птицы. Костя и Надя вышли на минутку, чтобы погулять, но чѣмъ-то увлеклись и пробыли на воздухѣ цѣлый часъ. Когда-же они наконецъ вспомнили о котяткахъ и побѣждали ихъ будить, то ихъ уже въ дѣтской не было. Они побѣждали въ кухню и къ ихъ радости всѣ котята вмѣстѣ съ Муркой снова оказались въ рѣшетѣ.

— Кто ихъ сюда перенесъ? спросилъ гнѣвно Костя.

— Ты-и! усмѣхнулась Катька. — Вы ушли, а кошка всѣхъ ихъ въ зубахъ сюда и перетаскала. Точно мышовъ!

Окончился наконецъ длинный, длинный дѣтскій, неутомонный день. Потянулись черезъ садъ тѣни, отразились на стѣнахъ въ столовой и дѣтской оранжевые отъ заката окна, замычало возвратившееся съ поля стадо, заблеяли овцы, заржали лошади и спустился тихій, ароматный вечеръ; одна за другой зажглись звѣзды и наступило такое время, когда всю ночь, кажется, просидѣлъ-бы въ саду и слушалъ-бы трещаніе кузнечиковъ. Но дѣтямъ было не до этого

трещанья. Они сбились съ котятами съ ногъ, устали за день-деньской и еле добрались до кроватокъ. Ахъ, какъ они сейчасъ сладко и крѣпко заснуть!

— Спице съ Боженькой!.. говоритъ имъ няня. — Помолитесь за папу, помяните маму во Царствіи Небесномъ и спице крѣпче!.. Господь васъ благословить!

Они ложатся и вся жизнь исчезаетъ у нихъ передъ глазами и начинается что-то новое, жизнь не жизнь, сказка не сказка, а что-то такое, отъ чего не хочется проснуться и все такъ-бы спалъ, спалъ и спалъ...

Яркое, радостное утро. Опять щебечутъ птицы и слышно, какъ далеко-далеко за рѣкой поютъ на сѣнокосѣ дѣвушки. Костя вскакиваетъ, какъ встрепанный, быстро глядитъ на часы и вскрикиваетъ:

— Надя! Котятъ!

Надя тоже вскакиваетъ и начинаетъ быстро одѣваться. Уже восемь часовъ. Какъ-же они это проспали такъ долго и ни разу не взглянули за цѣлое утро на котятъ!?

И, продолжая одѣваться на ходу, они бѣгутъ въ кухню. Тамъ никого нѣтъ. Во всѣ тяжкія кипитъ самоваръ и съ него некому снять трубу. Повидимому, прислуга только-что стпила чай, потому что на столѣ лежатъ остатки ѣды, чашки и кусочки сахара, сплошь облѣпленные мухами такъ, что стали похожими на мышей.

Дѣти заглядываютъ подъ столъ, но увы! — рѣшета съ котятами тамъ нѣтъ. Ходить по кухнѣ кошка и жалобно мяукаетъ.

— Гдѣ-же они? недоумѣваютъ дѣти.

Но въ эту минуту вбѣгаетъ въ кухню Катя.

— Да вы кого ищете? спрашиваетъ она. — Котятъ, что-ли? Ихъ только-что утопилъ въ поганомъ ведрѣ Гаврила! Гы-и! Такъ всѣхъ пятерыхъ и утопилъ!

Дѣти останавливаются и не вѣрятъ своимъ ушамъ. Неужели это правда? Неужели на свѣтѣ нѣтъ справедливости и этотъ ужасный Гаврила останется безнаказаннымъ? Неужели всѣ такъ равнодушны, что допустили его до такого безжалостнаго, ненужнаго поступка?

Костя и Надя глядятъ тупо на Катю, потомъ подъ столъ, потомъ на тоскующую кошку, взвизгиваютъ и вдругъ слезы градомъ брызжутъ у нихъ изъ глазъ. Тяжкое непоправимое горе наполняетъ ихъ души, и не зная, что дѣлать, что предпринять, кому жаловаться и кого умолять, они бѣгутъ къ себѣ обратно въ дѣтскую, падаютъ на кровати и начинаютъ рыдать. Если-бы былъ дома папа или была жива мама, то они заступились-бы за котятъ и не позволили-бы Гаврилѣ такъ надругаться надъ беззащитными божьими тварями, которыя виноваты только въ

томъ, что появились на свѣтѣ. Зачѣмъ-же тогда онѣ появились? Какое право имѣлъ этотъ буфетный мужикъ уничтожить то, что создалъ Господь, и что, выросши, было-бы такъ-же кротко, безотвѣтно и предано дому, какъ и эта кошка Мурка, которая ходитъ теперь по кухнѣ, отыскиваетъ своихъ дѣтей и тоскуетъ?

И, засунувъ головы подъ подушки, дѣти плачутъ, плачутъ безъ конца. Папа уѣхалъ въ городъ, мамы нѣтъ, няня вѣроятно кормить куръ и гусей, — и никто не видитъ ихъ горькихъ слезъ и никто не заступится за нихъ и не отругаетъ этого негодяя Гаврилу!

— Знаешь, что? вдругъ говоритъ Костя, высовывая голову изъ подъ подушки. — Пойдемъ къ земскому начальнику и пожалуемся ему! Когда Степана побили пьяные мужики, то онъ ходилъ жаловаться на нихъ земскому начальнику! Пусть онъ посадитъ Гаврилку въ тюрьму.

Они знали, что всѣ недоразумѣнія между сельскими жителями разбираетъ земскій начальникъ, знали также и то, что земскимъ начальникомъ былъ ихъ сосѣдъ Иванъ Юстинычъ, усадьба котораго находилась всего только въ пяти верстахъ отъ нихъ, — и рѣшили отправиться къ нему немедленно.

— Мы скажемъ ему такъ: — отвѣтила Надя, вся еще красная отъ

слезъ:—„Милый дядя, ваше благородіе, соплите нашего Гаврилу въ каторжныя работы въ Сибирь на поселеніе и на житье! Онъ утопилъ нашихъ котяткоѡ и теперь его Богъ накажетъ!“

И, довольные тѣмъ, что нашли наконецъ, кому пожаловаться и передъ кѣмъ излить свое горе, они взялись за руки и побѣжали къ земскому начальнику. Ихъ никто не остановилъ, никто не спросилъ, куда они пошли,—и вотъ они уже бѣгутъ черезъ громадный заливной лугъ, на которомъ далеко-далеко, точно зеркало блещетъ рѣка и около нея копошатся люди. Это косари.

Дорога идетъ какъ разъ мимо сѣнокоса. Вотъ уже потянулись безконечныя ряды скошеннаго луга, отъ котораго вкусно пахнетъ медомъ; вотъ уже высохшее сѣно, которое собираютъ въ кучки дѣвушки, одѣтыя ярко и пестро, какъ маки. А вотъ и косари, въ красныхъ, растегнутыхъ у ворота рубашкахъ, съ обнаженными головами; они идутъ другъ за другомъ, взмахиваютъ, какъ богатыри, косами и трава съ низкимъ поклономъ валится передъ ними на землю.

— Вжжи!.. Вжжи!.. звучатъ косы.

И, завидѣвъ Костю и Надю, они весело киваютъ имъ головами, а одинъ изъ нихъ бросаетъ косьбу и машетъ имъ рукою.

— Баринъ, барышня!.. кричитъ онъ имъ.—Эй! Идите сюда!

Они подбѣгаютъ къ нему и онъ подводитъ ихъ къ завязанному лукошку.

— Это вамъ... говоритъ онъ.— Зайчики..

Онъ приподнимаетъ край платка и они видятъ маленькихъ, только что родившихся зайчатъ. Все горе моментально скатывается у нихъ съ сердечекъ.

— Какіе хорошенькіе! восклицаютъ они.—Гдѣ ты ихъ взялъ?

— Да вотъ сейчасъ мужики косили здѣсь, отвѣчаетъ парень,—одинъ взмахнулъ косой, а зайчиха возьми, да и подвернись ему подъ самую косу, онъ и задѣлъ ее. Такъ послѣ нея зайчаты и остались сиротами!..

— Бѣдненькіе!.. воскликнула Надя.

И не помня себя отъ радости и боясь, какъ-бы мужики не перемѣнили свое рѣшеніе и не отняли у нихъ зайчатъ обратно, дѣти схватили лукошко и со всѣхъ ногъ побѣжали домой.

— Ты знаешь, мечтала всю дорогу Надя,—здѣсь всего четыре зайчика. Двое изъ нихъ твои, и двое мои... Мы ихъ будемъ кормить!..

Радостныя, повеселѣвшіе, они прибѣжали домой, забрались къ себѣ въ дѣтскую и высыпали изъ лукошка зайчатъ на полъ. Въмѣсто того, чтобы бѣжать въ разныя стороны, зайчата сбились въ кучку и, повидимому, страдали.

По́хали!..

Почта въ пустынь.

— Надо ихъ покормить... сказали Костя и сбѣгаль за молокомъ.

Но зайчата еще не умѣли сами пить. Онѣ далъ имъ капусту и моркови, но они къ нимъ не прикоснулись.

— Они издохнутъ! сказала няня.—Они еще такъ малы, что сосали мать. Безъ матери они не смогутъ.

Неужели не выживутъ и они? Только что Гаврила утопилъ въ ведрѣ котятъ, а теперь должны погибнуть еще и эти четыре маленькія жизни, которыя тоже не виноваты ни въ чемъ? Ну, какъ покормить зайчатъ? Какъ поддержать ихъ жизнь? И почему всѣ такъ къ этому равнодушны?

И дѣти не знали, что имъ дѣлать. Прошли часы, въ уголку сбились въ кучку зайчата и сидѣли неподвижно, а кругомъ по дому ходила осиротѣвшая кошка и съ жалобнымъ мяуканьемъ отыскивала своихъ котятъ.

— Бѣдныя зайчатки!.. глубоко вздохнула Надя.—Теперь они умрутъ безъ матери..

Какъ вдругъ все лицо Кости засвѣтилось радостной улыбкой и глаза его заблестали.

— Знаешь, Надя? воскликнулъ онъ.—Давай сдѣлаемъ кошку Мурку матерью этихъ зайчатъ! Она будетъ ихъ мама, а они—ея дѣти! Хорошо?

Надя отъ радости запрыгала на мѣстѣ.

— Глупенькіе!.. вздохнула няня.—Да ваша Мурка съѣстъ ихъ всѣхъ до одного, какъ мышатъ!

Но они не слушали ея и уже побѣжали за кошкой. Печальная, съ полузакрытыми глазами, она уже сидѣла на диванѣ. Они схватили ее и понесли въ дѣтскую.

— Вотъ тебѣ дѣти! сказали они и сунули ее къ зайчатамъ въ уголокъ.

Мурка оглядѣла зайчатъ, обнюхала, облизала, а потомъ вдругъ радостно замурлыкала и повертѣвшись въ уголку, улеглась на одѣяльце и повалилась на бокъ. Зайчата подскочили къ ней и, почувствовавъ материнскую теплоту ея тѣла, признали ее за свою и стали ее сосать..

Дѣти сидѣли около нихъ на корточкахъ и, затаивъ дыханіе, смотрѣли на это странное явленіе.

А кошка все еще лежала на боку и ей было пріятно, что около нея копошились маленькія, безпомощныя существа, которые сосали ея молоко и въ свою очередь согрѣвали ее своими тѣлами. А потомъ всѣ пятеро крѣпко заснули. И судя по спокойному выраженію, кошковой мордочки и по тому до вѣрю, съ какимъ спали около нея зайчата, дѣти теперь были твердо убѣждены, что въ этомъ уголку ихъ дѣтской было свое особое маленькое, звѣриное счастье и что тамъ, гдѣ является нѣжная, материнская ласка, пропадаетъ всякое

различіе даже между породами могли прильнуть къ ней и тѣсно животныхъ и все сливается во къ ней прижаться и начать ее едино. И Костѣ и Надѣ вдругъ ласкать... страстно, неудержимо захотѣлось, И они остановились передъ ея чтобы около нихъ была сейчасъ портретомъ и долго-долго не своихъ мать и чтобы и они тоже дили съ него глазъ.

С. Вершининъ.

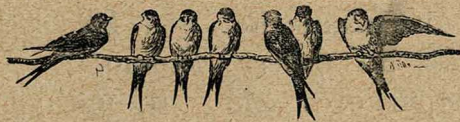

УЖЪ ВЕСНА!..

Привѣтъ теплу, цвѣтамъ, козьямъ Идетъ снѣжокъ, но что за дѣло?
Весна идетъ, весна идетъ! [камъ! Теперь не страшны намъ снѣга!
Ручьи стремятся по канавкамъ Грачей ужъ стая прилетѣла,
И ужъ на рѣчкѣ ледоходъ. И подъ водой стоятъ луга!

Трепещутъ скворцы, воркуютъ гульки,
Ужъ травка кое-гдѣ видна.
И хотъ висятъ еще сосульки,
Но что за дѣло? Ужъ весна!

Кузнечикъ.

НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

(ПОВѢСТЬ).

(Окончаніе).

Прошелъ годъ. Галя Игнатѣва это была больная, которую опять отлично помнила всѣ мельчайшія привезли въ Ниццу, и которая подробности своей поѣздки загра- едва вылѣзла изъ вагона; ее положили на колясочку и повезли въ ницу, но какъ все съ тѣхъ поръ перемѣнилось! Это уже не была гостинницу... болѣе та дѣвочка, которая тогда Съ нею произошелъ несчастный выскочила изъ вагона, полная случай. Катаясь зимой на конь- нетерпѣнія увидѣтъ море; теперь кахъ, она повредила себѣ ногу.

Болѣзнь затянулась, и долгіе мѣсяцы бѣдная дѣвочка должна была пролежать въ постели.

Въ гимназію она уже не ходила, подруги перестали у нея бывать, такъ какъ имъ было съ нею скучно, и, когда ей объявила мама, что ее опять повезутъ на морскія купанья въ Ниццу, то это было для нея точно свѣтлый праздникъ. Правда, она уже не будетъ тамъ веселиться такъ, какъ въ прошломъ году, но тамъ она будетъ дышать чистымъ воздухомъ, видѣть море, и смотрѣть на темно-голубое небо. Она будетъ тамъ видѣть, какъ веселятся другіе! Она надѣялась встрѣтить тамъ прошлогоднихъ подругъ, которыя, несмотря на обѣщанія, до сихъ поръ не написали ей ни единой строчки.

И вотъ она снова въ Ниццѣ. Ее возятъ въ колясочкѣ по берегу моря и она присматривается къ дѣтямъ, стараясь увидѣть среди нихъ Катю Гарденину, Эрнестину и даже Мари Данто.

И нѣсколько дней прошли для нея въ печальномъ одиночествѣ и она не узнала никого. Но вотъ однажды въ полдень она радостно привскочила въ своей коляскѣ и вскрикнула отъ восторга.

— Мама, сказала она. — Мнѣ кажется, что я вижу тамъ Эрнестину!

Ея мать приподнялась, чтобы посмотреть.

— Да, милая, это Эрнестина... отвѣтила она.

— Мама, подвези меня къ ней!

— Подожди немножко, быть можетъ, она придетъ къ тебѣ сама. Она идетъ въ нашу сторону.

Да, это дѣйствительно была Эрнестина, но теперь она уже выросла, выровнялась и, какъ взрослая, старалась идти не дѣтскою походкой.

И когда она проходила мимо Игнатьевыхъ, то Галя не могла удержаться и крикнула:

— Эрнестина! Эрнестина!

Она обернулась и долго не могла понять, откуда доносились до нея эти крики. И когда она догадалась наконецъ, что ее звала какая-то больная дѣвочка изъ коляски, то бросила на нее разсѣянный взглядъ.

— Кто это? спросила она равнодушно.

И, нагнувшись надъ коляской, она узнала Галю и болѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ сожалѣнія, воскликнула:

— Галя! Какъ ты измѣнилась!.. Что съ тобой?

Ей рассказали случай, происшедшій съ дѣвочкой, и бѣдная больная протянула ей исхудавшую руку.

— Плохо-же твое дѣло, сказала Эрнестина, едва касаясь ея пальцевъ.— Но будемъ надѣяться, что ты скоро поправишься...

— Говорятъ, еще черезъ три мѣсяца... вздохнула Галя.— А это

еще такъ долго! Мнѣ такъ скучно все одной, да одной! Если-бы ты только знала, какъ я ждала твоего прїѣзда!..

— Но вѣдь ты теперь все равно не можешь съ нами играть!

— Да, но за то ты не будешь забывать меня и время отъ времени будешь прибѣгать ко мнѣ хоть на одну минутку? Правда?

И она ласково ей улыбнулась.

— Ну, это довольно мудрено... отвѣтила Эрнестина. — Вѣдь мы играемъ все на разныхъ мѣстахъ, а на твоей колясочкѣ не повсюду можно проѣхать..

И Эрнестина стала прощаться.

— Ты уже уходишь? воскликнула Галя и съ грустью поглядѣла на подругу. — Ты уже уходишь? Но вѣдь ты мнѣ ничего не сказала о Катѣ!..

— Катя прїѣзжаетъ сюда завтра.. Но, прощай, мнѣ пора!..

И Эрнестина ушла отъ нея и скоро скрылась въ толпѣ подругъ. А Галя отвернулась, чтобы скрыть отъ всѣхъ намернувшіяся ей на глаза слезы, и глубоко-глубоко вздохнула. Такой встрѣчи она не ожидала.

Слѣдующее утро принесло ей надежду. Если Эрнестина отнеслась къ ней такъ холодно и равнодушно, то вѣроятно потому, что ее поджидали въ то время другія подруги. Но сегодня должна была прїѣхать Катя Гарденина!.. Все время она ожидала ее съ лихо-

радочнымъ нетерпѣніемъ. Но прошелъ день и другой, и Галя ни разу не увидала въ теченіи ихъ ни Эрнестину, ни Катю. И только на третій день она увидала ее. Катя шла съ Эрнестиной и о чемъ-то горячо съ ней разговаривала.

— Вѣроятно, онѣ разыскиваютъ меня, обратилась она къ матери.

И дѣйствительно, онѣ кого-то разыскивали, но, конечно, не ее, больную Галю, а кого-то другого. Галю онѣ даже и не замѣтили и, какъ и въ прошломъ году, собрали вокругъ себя чуть не всѣхъ дѣтей, и бѣдная больная должна была издали прислушиваться къ радостнымъ крикамъ этой молодежи.

— Мама, обратилась Галя къ матери, — должно-быть, онѣ не замѣтили меня. Подвези меня къ нимъ поближе!

Мать поднялась съ мѣста и покатила колясочку къ площадкѣ. Дѣвочки даже и не обратили на Галю вниманія.

Тогда она закричала:

— Эрнестина!.. Катя!..

— Ахъ, это ты? отвѣтила ей Эрнестина. — Только, пожалуйста, посторонись со своей коляской, а то ты намъ мѣшаешь!

Катя нехотя подошла къ Галѣ.

— Ну, здравствуй, сказала она. — Ты больна? Эрнестина мнѣ передавала это.

— Ты и представить себѣ не можешь, вздохнула Галя, — какъ я скучаю одна!

— Но вѣдь съ тобою твоя мама!

— Да, но это не то, что подруга, какъ напримѣръ, ты или Эрнестина. Поиграйте со мною!

— Во что? Вѣдь ты не можешь двигаться!

— Есть игры, въ которыхъ не нужно двигаться...

— Ну, ужъ покорно благодарю! воскликнула Катя Гарденина. Мы вовсе не затѣмъ приѣхали сюда, чтобы сидѣть безъ движенія. Мы хотимъ бѣгать, рѣзвиться! Пожалуйста, не смотри на насъ, какъ на сидѣлокъ, мы не способны на это!

И Катя вновь принялась за игру, такъ и не подойдя больше ни разу къ больной.

—

На слѣдующій день, Галя, по обычаю, каталась въ своей колясочкѣ, какъ вдругъ мимо нея прошли какая-то молодая дама съ дѣвочкой, одѣтыя очень изысканно. Галя долго глядѣла имъ вслѣдъ, а потомъ обратилась къ своей матери:

— Мама, сказала она.—Это не Мари Данто?

— Очень возможно... отвѣтила мать.—Но какъ она выросла!

И не окликавъ ихъ, онѣ дали имъ пройти мимо. Съ своей стороны и дама съ дѣвочкой не обратили на нихъ вниманія. Да и зачѣмъ ихъ окликать? Послѣ того какъ Эрнестина и Катя,—эти двѣ закадычныя подруги Гали, такъ

рѣзко обошлись съ нею, кто можетъ поручиться, что и Мари, съ которою она была такъ холодна въ прошломъ году, не отнесется къ ней точно такъ-же?

Отойдя отъ моря, Мари и ея мать стали подниматься въ городъ. И опять онѣ прошли мимо Гали и бѣдная больная ясно слышала ихъ разговоръ:

— Мама, кажется, это Галя!.. сказала Мари.—Помнишь, та русская дѣвочка, которая приѣзжала сюда въ прошломъ году изъ Москвы?

— Гдѣ? спросила ее мать.

— Вотъ въ этой колясочкѣ!.. Кажется, она больна!

Г-жа Данто обернулась. Она не узнала Галю, но взглянувъ на ея мать, сразу-же догадалась, кто это былъ, и бросилась къ ней съ распростертыми объятіями.

— Боже мой, кого я вижу? воскликнула она!—Вы опять здѣсь! Но что это съ вашей дѣвочкой? Неужели она больна?

Ободренная этимъ теплымъ привѣтствіемъ, г-жа Игнатьева рассказала ей все, что случилось съ ея дочерью.

— Бѣдняжка! воскликнула мадамъ-Данто и, подойдя къ Галѣ, обняла ее.

Мари тоже бросилась къ Галѣ, стала ее цѣловать, обнимать, спрашивать. И мать, и дочь, обѣ наперерывъ старались ее ободрить, утѣшить. Не пройдетъ и двухъ-

трехъ мѣсяцевъ, говорили онѣ, — и все заживетъ! Въ Ниццѣ такъ всѣ быстро поправляются! И не окончится еще сезонъ, какъ Галя уже будетъ бѣгать такъ, что ее никто и не догонитъ!

Мари позабыла о своей природной застѣнчивости и затрещала съ Галей о разныхъ предметахъ, стараясь ее занять и отвлечь ея вниманіе отъ ея болѣзни.

— Давно вы здѣсь? спросила г-жа Игнатьева мадамъ Данто.

— Да только вчера вечеромъ пріѣхали, отвѣтила та.—Мы въ первый разъ только сегодня вышли на берегъ. Въ прошломъ году мой мужъ не могъ пріѣхать сюда къ намъ, потому что былъ съ бригадой въ лагеряхъ, но въ нынѣшнемъ пріѣдетъ къ намъ обязательно. Вотъ я и наняла недалеко отсюда отличную дачу. Такъ хорошо, просторно!..

— Вотъ она!.. указала Мари на одну изъ изящныхъ дачъ, выходящихъ прямо на море.—У насъ есть громадная терраса!.. Заходи ко мнѣ Галя! Это тебя развлечетъ, а то ты все на берегу, да на берегу!

Галя никакъ не могла объяснить себѣ, почему къ ней такъ была добра Мари. И понимая, что она не имѣла ровно никакого права на эту любезность, она не знала, что ей отвѣтить, и почувствовала неловкость.

— Ну, до свиданія!.. сказала ма-

дамъ Данто.— Пора идти... Столько еще дѣла съ этой разборкой да уборкой!.. Но мы еще увидимся съ вами, не правда-ли? Мари забѣжитъ къ вамъ еще не разъ; быть можетъ, это развлечетъ бѣдную больную; но и вы къ намъ заходите, только смотрите, не откладываете въ долгій ящикъ!

И онѣ ушли.

На другой и во всѣ слѣдующіе дни Мари была ревностной подругой Гали. Ни одного дня не проходило чтобы она хоть на минутку не забѣжала посидѣть около больной или же погулять вмѣстѣ съ нею на воздухъ, при чемъ она заботливо шла сбоку ея коляски. Иногда она завозила ея коляску въ самую воду и возводила здѣсь изъ песку пещеры и разныя другія постройки, но такъ, чтобы ихъ могла видѣть и Галя, ловила маленькихъ рыбокъ и подносила ихъ къ ней. Она приглашала къ себѣ играть другихъ дѣтей и они тоже развлекали больную.

И съ кѣмъ-бы другимъ Мари ни играла, она никогда не забывала о Галѣ. Какъ-бы ни было ей весело съ другими, она хоть на минутку прибѣгала поболтать съ больной, и какъ бы ни была она занята игрою, она съ нетерпѣніемъ дожидалась ея окончанія, чтобы имѣть возможность навѣстить Галю.

Нѣсколько разъ мама подвозила Галю прямо къ самой дачѣ, въ

которой жила г-жа Данто, и эти дни были праздникомъ для обѣихъ дѣвочекъ. Мари показывала своей больной подругѣ свои игрушки, которыхъ у нея было достаточно, свои книги и разныя бездѣлушки. А затѣмъ слѣдоваль вкусный завтракъ и дѣвочки разставались до слѣдующаго дня.

И съ каждымъ днемъ Галя становилась все здоровѣе и здоровѣе и поправлялась на глазахъ у всѣхъ. Она уже болѣе не скучала, дни уже не казались ей томительно-долгими и ее уже не беспокоило отношеніе къ ней ея быв-

шихъ подругъ. Она вся цѣликомъ ушла въ ожиданіе встрѣчъ съ Мари и онѣ служили ей доброй надеждой. Къ ней возвратилась ея прежняя веселость. Она уже могла ступать на ногу и съ нетерпѣніемъ ожидала того момента, когда будетъ имѣть возможность передвигаться сама.

— Выздоровливай поскорѣе, какъ-то сказала ей мадамъ Данто. — Скоро день рожденія Мари, и я обѣщаю ей устроить праздникъ и созвать на него всѣхъ ребятъ со всей Ниццы и въ томъ числѣ и тебя. Безъ тебя и праздника не будетъ!

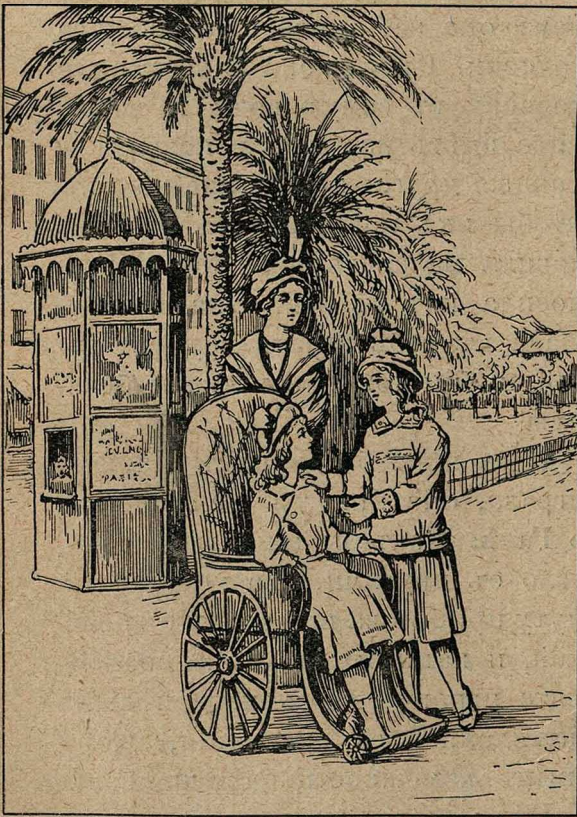
— Я постараюсь... отвѣтила Галя, и глаза ея засверкали.

Какъ-то утромъ къ Галѣ прибѣжала Мари и, запыхаясь, сообщила ей, что пріѣхалъ ея папа и на этихъ дняхъ въ Ниццѣ будетъ большое катанье по улицамъ въ экипажахъ.

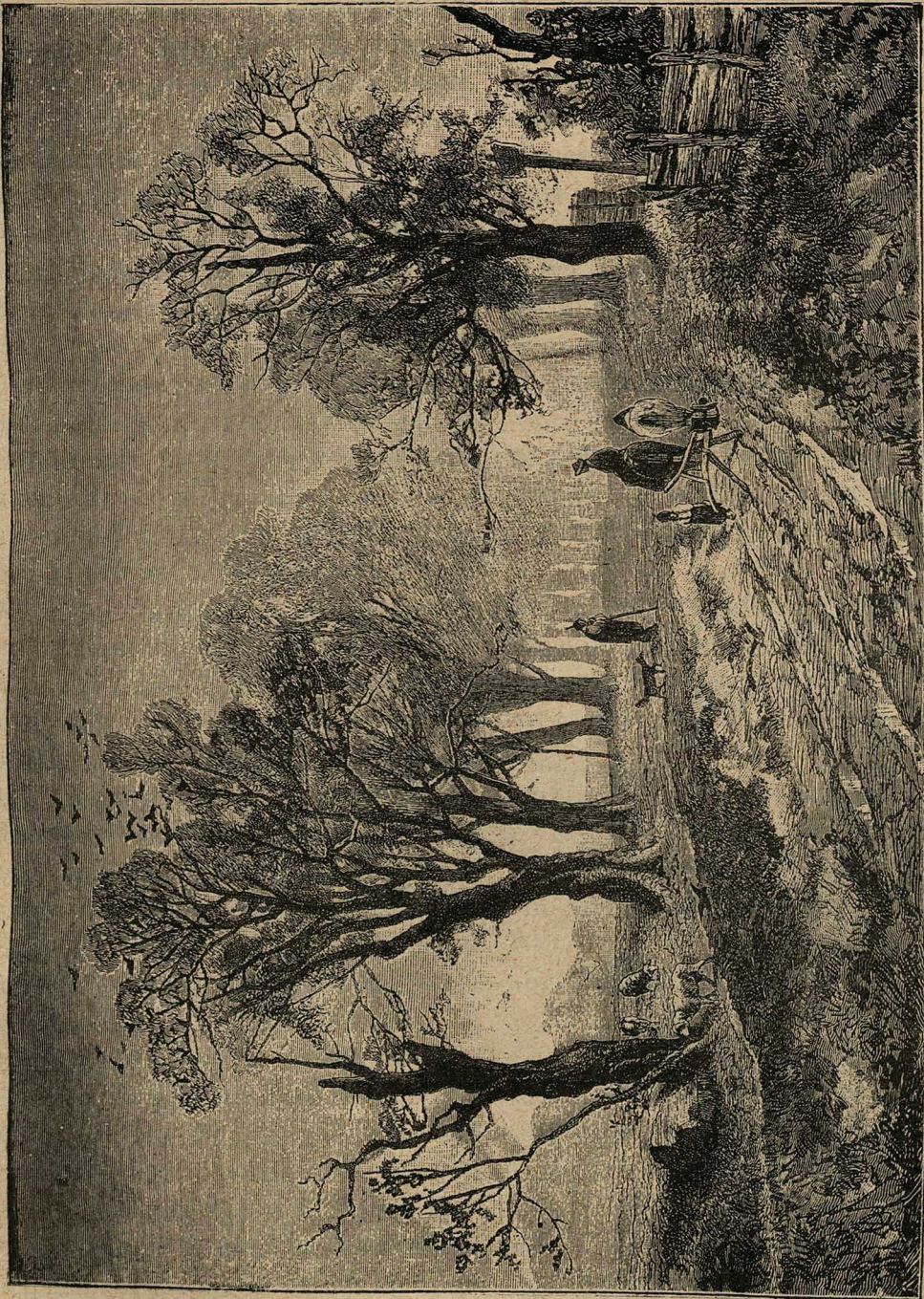
— И ты тоже поѣдешь? спросила ее Галя.

— По всей вѣроятности, отвѣтила Мари,—такъ какъ сюда пріѣдутъ изъ имѣнія и наши лошади. Когда онѣ будутъ здѣсь, я попрошу свою маму, чтобы она позволила намъ покататься на нихъ. Ты поѣдешь съ нами? Я увѣрена, что если твоя мама позволитъ тебѣ, то мои папа и мама съ удовольствіемъ покатаютъ насъ двоихъ.

— Какая ты добрая! воскликнула Галя и почувствовала къ ней нѣжность.

— Боже мой, кого я вижу!..

На первую пахоту.

А потомъ она долго смотрѣла Мари прямо въ глаза и, схвативъ обѣ ея руки, пританула ее къ себѣ и поцѣловала.

— Какъ ты можешь такъ хорошо относиться ко мнѣ, сказала она,—когда я въ прошломъ году тебя такъ обижала?

— Перестань, перестань! отвѣтила Мари.—Кто старое помянетъ—тому глазъ вонть!

И она обняла Галя и горячо ее поцѣловала.

Наступилъ въ Ниццѣ праздникъ—это день катанья въ экипажахъ. На него отправились и Мари съ отцомъ и мамой.

— Боюсь предложить и вашей Галѣ проѣхать съ нами, обратилась къ г-жѣ Игнатъевой мадамъ Данто.— Не было-бы для нея утомительно...

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь! отвѣтила г-жа Игнатъева.— Все равно докторъ еще не разрѣшаетъ ей двигаться самой безъ посторонней помощи.

И въ своей колясочкѣ Галя тоже отправилась на развѣздъ, чтобы взглянуть на украшенные цвѣтами экипажи и на туалеты дамъ.

Вотъ въ старомодномъ наемномъ рыдванѣ ѣдутъ со своими мамашами Катя и Эрнестина. Всѣ онѣ одѣты пестро и безвкусно, точно желаютъ, чтобы на нихъ обратили вниманіе всѣ. Но вдругъ въ публикѣ происходитъ движеніе. Выѣзжаетъ чей-то роскошный экипажъ.

Кучеръ одѣтъ на немъ въ красивую ливрею и два лакея стройно стоятъ на запяткахъ. Сбруя, роскошныя лошади и экипажъ и масса цвѣтовъ вызываютъ крики восхищенія. Въ экипажѣ сидитъ генераль. Рядомъ съ нимъ—дама въ бѣломъ платьѣ, а на скамеечкѣ впереди—дѣвочка въ розовомъ костюмѣ, въ которой Галя узнаетъ свою подругу Мари.

Да, это она! Она тоже узнаётъ Галя и, высунувшись изъ экипажа, посылаетъ ей воздушныя поцѣлуи. Она дѣлаетъ это такъ ревностно, что теряетъ равновѣсіе и непременно упала-бы, если-бы ее не поддержалъ ея отецъ.

Галя не вѣритъ глазамъ. Какъ? Неужели это та скромненькая дѣвочка, которую въ прошломъ году такъ оскорбляли Катя и Эрнестина и такъ подтрунивали надъ ея чернымъ платьемъ? Неужели это она въ этомъ блестящемъ экипажѣ?.. Кто бы могъ это подумать!..

— Да... вздохнула г-жа Игнатъева.— Какъ неумно поступаетъ тотъ, кто судитъ о человѣкѣ по его платью! Помнишь, Галя, какъ всѣ считали въ прошломъ году Мари дурнушкой? Вотъ вамъ и урокъ!..

На другой день, едва только Галя выѣхала на берегъ, какъ къ ней уже вихремъ подлетѣли Катя Гарденина и Эрнестина.

— Скажи пожалуйста, обратились онѣ къ ней, перебивая одна

другую, — ты дружна съ Мари? Мы чуть не каждый день видимъ ее около тебя.

— Да, отвѣтила Галя, — она моя подруга.

— Пожалуйста, помири насъ съ нею! Въ прошломъ году мы немножко холодно отнеслись къ ней и, кажется, она на насъ дуется за это: не кланяется съ нами, не хочетъ говорить...

— Но вѣдь въ прошломъ году вы сами находили ее скучной и всѣми способами старались отдѣлаться отъ нея!

— То было въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ — совсѣмъ другое дѣло!

— Ахъ, вотъ какъ! Но я до сихъ поръ еще ни разу не замѣчала, чтобы вы первыя шли къ ней на встрѣчу.

— Да, понимаешь... мы не знали... А ты знаешь, кто такая Мари?

— Нѣтъ, отвѣтила Галя.

— Какъ?! воскликнула Эрнестина. — Какъ-же это ты такъ? Да вѣдь это дочь самого генерала графа Данто! Ты понимаешь теперь, что Мари — графиня! Они большіе богачи и очень извѣстные люди!..

— Поэтому-то вы и хотите теперь помириться съ ней?

— Ну, конечно! Хорошія знакомства необходимы всегда!

— Къ тому-же и на берегу все какъ-то перемѣнилось... вздохнула Катя Гарденина. — Всѣ насъ поки-

нули, не хотятъ съ нами играть, перешли къ Мари и къ тебѣ. Намъ скучно...

— Это еще не все! воскликнула Эрнестина. — Ты вѣдь слышала, что графиня Данто затѣваетъ у себя на дачѣ цѣлый праздникъ?

— Да, отвѣтила Галя.

— И, конечно, этотъ праздникъ будетъ роскошный! Будутъ игры, великолѣпные подарки...

— И, понимаешь? сказала Катя. — На этотъ праздникъ приглашены уже всѣ здѣшніе дѣти и даже дѣти съ окрестныхъ дачъ!

— Ну, такъ что-же?

Выѣзжаетъ чей-то экипажъ...

— Какъ такъ что-же? Только насъ двоихъ и не пригласили. Ты понимаешь теперь?

Галя съ нетерпѣніемъ ожидала, когда уйдутъ эти дѣвочки, а онѣ, какъ нарочно, сѣли на песокъ около нея и стали говорить ей о разныхъ пустякахъ, и все ахали и охали о томъ, что такъ неожиданно Мари вдругъ оказалась графиней и не пожелала пригласить ихъ къ себѣ на день рожденія.

Затѣмъ всѣ онѣ перешли на террасу и стали смотрѣть на море.

Какъ вдругъ тутъ-же на террасѣ появился самъ графъ Данто. Вмѣстѣ съ нимъ шли его жена и Мари. Они очевидно искали г-жу Игнатьеву, потому что, увидавъ ее, прямо подошли къ ней. А Мари подбѣжала къ своей больной подругѣ.

Выждавъ, когда Галя и Мари окончили свои привѣтствія, Эрнестина и Катя тоже подскочили къ нимъ и, схвативъ Мари за руку, стали крѣпко ее пожимать, точно были ея закадычными подругами.

— Здравствуй, милочка! обратились онѣ къ ней.—Ну какъ ты поживаешь? Мы такъ часто о тебѣ вспоминаемъ!

Въ эту-же минуту генераль подошелъ къ Галѣ еще поближе. Ласково потрепавъ ее по щекѣ, онъ сказалъ:

— Такъ вотъ она та дѣвочка, которую такъ любитъ моя Мари! Такъ вотъ о комъ она мнѣ говоритъ чуть не каждую минуту! Ну, какъ

твое здоровье, моя дорогая? Когда ты поѣдешь съ нами кататься?

И когда Галя что-то пролепетала ему отвѣтъ на этотъ вопросъ, онъ рѣзко обернулся къ Катѣ и Эрнестинѣ.

— А это что за дѣвицы? спросилъ онъ.—Тоже подруги?

— Мой другъ, отвѣтила ему мадамъ Данто,—это тѣ самыя дѣвочки, которыя жили въ прошломъ году въ одной гостинницѣ съ нами и о которыхъ я уже тебѣ говорила. Помнишь?

— Ахъ, это тѣ самыя? воскликнулъ генераль.

— Да, отвѣтила она.

Онъ нахмурилъ брови, ничего не сказалъ и сталъ продолжать разговоръ съ Галей. А Катя и Эрнестина, красныя отъ стыда, чуть не со слезами пошли отъ него прочь.

Съ этихъ поръ онѣ уже не дѣлали больше попытокъ къ сближенію съ Мари. Всѣ дѣти поняли, что это были за дѣвочки, и съ своей перешли къ Мари и къ Галѣ.

И этого для Кати и Эрнестины было наконецъ достаточно, чтобы онѣ тоже поняли, какъ нехорошо онѣ поступали, и чтобы пожалѣли о томъ, что были высокомерны. Но что больше всего заставило ихъ вздыхать, такъ это праздникъ у Мари, о которомъ говорила графиня Данто. Обѣ онѣ не были приглашены и должны были издалека, какъ лисицы на виноградъ, гля-

дѣтъ на ярко иллюминированную дачу Мари. А когда онѣ услышали на другой день, какъ тамъ было весело и какіе роскошные подарки были розданы дѣтямъ, не говоря уже о фруктахъ и сластяхъ, то залились горячими слезами.

А Галя, уже совершенно выздоровѣвшая и пополнѣвшая, присутствовала на этомъ праздникѣ, а затѣмъ черезъ недѣлю вмѣстѣ съ мамой отправилась въ гости къ Мари въ ихъ имѣніе около Парижа. Это было очаровательное путешествіе. Тамъ обѣ дѣвочки бѣгали по лугамъ, катались на лодкѣ и цѣлые дни проводили на воздухѣ. А когда Галя верну-

Графъ подошелъ къ Галѣ.

лась осенью домой въ Москву, то ее папа и братья едва ее узнали: такъ она выросла и возмужала.

Н.

к о н е ц ъ .

ВЕСЕННИЙ МОТИВЪ.

Скворцы съ утра хлопчуть у гнѣзда,
Мычатъ въ поляхъ уставшія стада,
И такъ на солнышкѣ къ полудню станетъ жарко,
Что не ушелъ-бы цѣлый день изъ парка.
Огурчики поспѣли въ парникѣ,
Травы хотъ нѣтъ еще, но вдалекѣ
Ужъ слышенъ звукъ пастушечьей свирѣли,
Сморчокъ нечаянно нашли у старой ели

И всей семьей его изжарили и съѣли...
 Неужто въ самомъ дѣлѣ ужъ весна?
 Да, да, весна! Уже принесена
 Душистая тепличная редиска,
 Уже въ вѣтвяхъ шиповника хлопочетъ дроздь,
 Уже идетъ великій постъ,
 И Пасха, Пасха близко!..
 И хочется копать, приняться за труды,
 Пойти скорѣй съ лопатою на грядки,
 Иль самому, какъ малые ребятки,
 Плескаться въ ручейкахъ и въ лужицахъ воды!

Кузнечикъ.

ДВА МАЛЬЧИКА И ФРАМЪ.

Жили-были два мальчика—Коля и Володя. Они были сиротами и ютились гдѣ-то въ углу, въ большомъ домѣ, наверху, почти подъ самой крышей. Приѣхали они въ столицу изъ провинціи вмѣстѣ съ отцомъ и съ матерью и вдругъ неожиданно осиротѣли. Они хотѣли было возвратиться въ свой уѣздный городъ, гдѣ было такъ просторно и такъ много было зелени, но у нихъ не было денегъ. Вмѣсто денегъ отецъ оставилъ имъ большую собаку Фрама, которая была старше мальчиковъ и которую они привыкли видѣть около себя съ самаго рожденія. Въ столицѣ они были для всѣхъ чужими и имъ жилось очень тяжело. Безъ копейки денегъ, иногда даже безъ

хлѣба, они проводили цѣлые дни, мечтая о возвращеніи домой, гдѣ у нихъ осталась одна только тетя, которую они очень любили. Они писали этой тетѣ, что остались одни, и просили ее взять ихъ къ себѣ въ провинцію, но вѣроятно письмо гдѣ-нибудь застряло по дорогѣ, или-же они не сумѣли написать правильно адресъ, потому что тетя не отвѣтила имъ ничего. А тѣмъ временемъ дни шли за днями, положеніе мальчиковъ становилось все хуже и хуже и нечѣмъ было даже покормить Фрама. Но они не унывали, все еще жили надеждой, къ тому-же и Фрамъ былъ не взыскателенъ, ничего съ нихъ не требовалъ и только ласково заглядывалъ имъ въ самые

глаза и теплымъ, розовымъ языкомъ лизалъ имъ руки. Въ износившихся курточкахъ, голодные, они ложились спать на полъ, Фрамъ протискивался между ними и ложился тоже и всѣмъ троемъ другъ отъ друга было теплѣе.

— Знаешь, что, обратился разъ Коля къ братишкѣ. — Я опять напишу къ тетѣ письмо. Быть можетъ, она сжалятся надъ нами и возьметъ насъ къ себѣ.

И выпросивъ у сосѣдки бумагу и конвертъ, онъ пыхтя и сопя, написалъ письмо снова.

На этотъ разъ письмо дошло. Тетя отвѣтила своимъ племянникамъ, что охотно возьметъ ихъ къ себѣ, но только просила ихъ обождать немного, пока въ столицу не поѣдетъ какой-то Андрей Евграфычъ, который найдетъ ихъ тамъ и заберетъ ихъ съ собою.

„Андрей Евграфычъ ѣдетъ туда по дѣламъ“, писала она Колѣ и Володѣ. — „Я дала ему вашу адресъ. Онъ постарается васъ найти и возьметъ васъ съ собою. Вы оба еще маленькіе, ѣхать далеко, да и денегъ у васъ, у сиротокъ, нѣтъ. Только не шалите по дорогѣ и не упадите изъ вагона. Слушайте Андрея Евграфыча, онъ господинъ добрый и хорошій“.

Мальчики обрадовались и стали считать дни и часы, когда явится къ нимъ этотъ неизвѣстный для нихъ Андрей Евграфычъ. Но дни проходили за днями и онъ все не

пріѣзжалъ. Положеніе становилось все хуже и хуже.

— Вы-бы занялись какимъ-нибудь дѣломъ! крикнула на нихъ хозяйка. — Нечего баклуши бить! Взяли-бы по щеткѣ, да и пошли-бы на улицу чистить господамъ пальты, да сапоги! Чего зря сидѣть? Все заработали-бы въ день по гривеннику! И то хлѣбъ!

Мальчики послушно взяли отъ нея по щеткѣ и вышли на улицу. Проходили мимо нихъ господа, на которыхъ было все чисто и опрятно, но они приставали къ нимъ съ просьбами дать имъ себя почистить и кое-кто дѣйствительно останавливался, протягивалъ къ нимъ сапогъ или рукавъ и давалъ имъ за работу мѣдную монету. Они и этимъ были довольны. По крайней мѣрѣ, теперь были сыты и они, и ихъ Фрамъ. А это было все, что было для нихъ нужно, если-бы не страстное желаніе поскорѣе возвратиться на родину. Имъ хотѣлось простора, травки, чистыхъ водъ провинціальной рѣки и пышныхъ деревьевъ, свѣсившихся черезъ заборы на улицу. Но Андрей Евграфычъ все не пріѣзжалъ и не пріѣзжалъ.

Однажды съ ними случилась неприятность. Мальчики цѣлый день провели на улицѣ, иззябли, ничего не заработали и когда вернулись вечеромъ домой, то дворникъ объявилъ имъ, что они должны немедленно-же запла-

Первая зелень.

У гнѣздышка.

тить за Фрама трехрублевый налогъ.

— Какой налогъ? изумились они.

— Какъ какой? отвѣтилъ дворникъ.— Собачій! Развѣ вы не знаете, что здѣсь на собакъ введенъ трехрублевый налогъ? А если не заплатите, то вашего Фрамку схватятъ на улицѣ и гдѣ нибудь повѣсятъ!

Мальчики пришли въ ужасъ. Неужели имъ придется разстаться со своимъ любимцемъ, со своей нянькой, съ этой преданной, добродушной собакой, которая любила ихъ больше, чѣмъ всѣ люди на свѣтѣ? Но гдѣ взять такихъ большихъ денегъ? Чѣмъ уплатить этотъ собачій налогъ? Самая возможность неуплаты, послѣ угрозы дворника, приводила ихъ въ ужасъ.

— Что-же теперь дѣлать? съ большими, испуганными глазами спросилъ Володя.

Кто-то посовѣтовалъ мальчикамъ продать Фрама. По крайней мѣрѣ, они выручатъ за него хотя пять рублей и одѣнутся на нихъ. Развѣ они не видятъ, какъ изорвались у нихъ сапоги? Но Коля и Володя не хотѣли объ этомъ и слышать. Это было невозможно. Это все равно, какъ если-быони продали своего младшаго братишку! А затѣмъ Володя сталъ громко плакать. Фрамъ подскѣлъ къ нему и сталъ слизывать у него со щекъ слезы. Видя, что мальчики затосковали, онъ

опечалился и самъ и сталъ скулить. Развѣ онъ не былъ при нихъ отъ самой ихъ колыбели? Наплакавшись, всѣ трое улеглись спать и проспали до утра. А на другой день оба мальчика вскочили чуть свѣтъ, взяли свои щетки и, спрятавъ Фрама въ уголку подъ рогожкой, побѣжали чистить прохожихъ.

— Мы должны заработать на этотъ собачій налогъ! сказалъ Коля.— Мы не будемъ ѣсть цѣлую недѣлю и накопимъ эти три рубля!

И цѣлые дни они стали бѣгать по улицамъ взадъ и впередъ, догоняя прохожихъ и зарабатывая отъ нихъ кое-какіе гроши. Все время Фрамъ не выходилъ у нихъ изъ головы, они только и думали о немъ одномъ, а когда возвращались къ себѣ домой, то онъ уже не встрѣчалъ ихъ съ громкимъ радостнымъ визгомъ у дверей: онъ смиренно лежалъ, притаившись, подъ рогожей въ уголку и цѣлые дни не выходилъ изъ-подъ нея, помня приказаніе своихъ любимцевъ.

— Вотъ подожди еще немного, Фрамъ, обращались къ нему они,— и ты скоро получишь свободу. Мы скопили уже сорокъ копѣекъ. Скоро мы заработаемъ и всѣ три рубля!

О возвращеніи на родину они позабыли уже и думать. Андрей Евграфовичъ къ нимъ такъ и не явился и они рѣшили, что должны остаться въ столицѣ совсѣмъ.

Какъ-то вечеромъ Коля подско- чилъ къ какому-то господину и по- чистилъ его со всѣхъ сторонъ; было темно и дулъ сильный вѣ- теръ. Господинъ полѣзъ въ портмо- не, досталъ изъ него монету и су- нулъ ее Колѣ въ руку.

— Спасибо, сказалъ онъ.—Вотъ тебѣ двѣ копѣйки! Молодецъ!

Это былъ первый господинъ ко- торый такъ ласково отнесся къ Колѣ и поблагодарилъ его. Коля зажалъ монету въ кулакъ и посмо- трѣлъ на него. Онъ былъ въ ци- линдрѣ и золотыхъ очкахъ, и на галстухѣ у него сіяла булавка въ видѣ трефоваго туза. Коля отлич- но запомнилъ это и побѣждалъ къ себѣ домой. Каково-же было его удивленіе, когда, разжавъ кулакъ, онъ увидѣлъ, что это были не двѣ копѣйки, а цѣлые золотые десять рублей!

— Навѣрное, это онъ далъ мнѣ по ошибкѣ! подумалъ Коля.—А вѣдь грѣхъ брать чужое! Какъ-же мнѣ ему теперь это возвратить?

Онъ хотѣлъ-было бѣжать назадъ но было уже поздно, и онъ былъ увѣренъ, что этого господина ему сегодня все равно не найти.

— А что, если уплатить теперь за Фрама? шевельнулась у него въ головѣ.

И душу его наполнила радость. Теперь могли окончиться страданія и для него, и для Фрама, и для Володи. На остальные семь руб- лей можно было бы уѣхать въ

четвертомъ классѣ къ себѣ на ро- дину, забратъся куда-нибудь подъ лавку въ вагонъ, чтобы только ѣхать къ себѣ домой. Все это было очень заманчиво, но... золотая мо- нета жгла руку Колѣ. Онъ не могъ взять себѣ то, что ему дали за- вѣдомо по ошибкѣ. И не говоря ничего брату, отъ спряталъ моне- ту въ самое потайное мѣсто и на слѣдующій-же день побѣждалъ опять туда, гдѣ встрѣтилъ незна- комаго господина въ цилиндрѣ и въ золотыхъ очкахъ.

„Ахъ, если-бы мнѣ его найти!“ думалъ онъ.—„Боженька, пошли его опять ко мнѣ на встрѣчу!“

Онъ простоялъ на этомъ мѣстѣ весь день до самаго вечера, не ѣлъ, не пилъ, а все ждалъ и ждалъ, едва стоя отъ усталости на ногахъ, и наконецъ томленіе его увѣнча- лось успѣхомъ: господинъ опять прошелъ мимо него.

— Дяденька, дяденька!.. оклик- нулъ его Коля.—Остановитесь!

И онъ дернулъ его за рукавъ. Господинъ остановился.

— Чего тебѣ? недовольно спра- силъ онъ.

— Вы по ошибкѣ дали мнѣ вчера вотъ этотъ золотой!.. зале- петалъ Коля.—Вы хотѣли мнѣ дать двѣ копейки, а дали десять руб- лей... Вотъ они.—Возьмите ихъ обратно... Мнѣ ихъ не надо.

Господинъ улыбнулся.

— Ахъ, да, да! обрадовался онъ.— Это дѣйствительно такъ!

И онъ взялъ отъ него золотой, а Коля со всѣхъ ногъ, точно боясь за собой погони, побѣжалъ къ себѣ домой.

И остались братья ни съ чѣмъ. Въ тотъ-же вечеръ пришелъ къ нимъ опять дворникъ и строго заявилъ, что если они завтра не внесутъ за Фрама собачьяго налога, то онъ накинеть ему на шею петлю и уведетъ его къ живодеру на раздѣлку.

— Господа тоже нашлись! ворчалъ дворникъ.—Ходи туда къ нимъ на пятый этажъ и кланяйся! Чтобъ не было собаки въ домѣ! Вотъ и все!

Мальчики забились съ Фрамомъ въ уголъ и отъ страха не змѣли дышать.

Весь слѣдующій день Коля просидѣлъ дома: онъ простудился, и у него былъ жаръ. Володя тоже какъ-то притихъ и весь ушелъ въ себя. Цѣлый день оба промолчали. Каждую минуту они ожидали, что вотъ-вотъ къ нимъ войдетъ дворникъ и заберетъ отъ нихъ Фрама. Сердца у нихъ бились. Самая мысль о томъ, что отъ нихъ отберутъ сейчасъ Фрама, заставляла ихъ страдать.

— Господи, соверши свое чудо! молился Коля втихомолку.—Помоги намъ! Спаси нашу собаку!

И вотъ на лѣстницѣ дѣйствительно послышались шаги. Это навѣрное идетъ дворникъ. Сейчасъ онъ отворитъ дверь, начнетъ ихъ

ругать, а затѣмъ накинеть Фраму на шею веревку и уведетъ бѣдную собаку съ собою. И останутся они одни.

Кто-то поднимается все выше и выше, шаги становятся все слышнѣе и слышнѣе и вотъ кто-то подошелъ уже къ двери,

— Дворникъ... шепчетъ въ испугѣ Володя.

Но дверь отворяется и въ ней показывается знакомый намъ господинъ въ цилиндрѣ, въ золотыхъ очкахъ и съ булавкой на галстукѣ въ видѣ трефоваго туза.

— Здѣсь живутъ Коля и Володя Семеновы? спрашиваетъ онъ.—Я приѣхалъ, чтобы взять ихъ съ собою и отвезти ихъ къ ихъ тетѣ домой!

И, приглядѣвшись къ Колѣ, онъ узнаетъ его и вдругъ радостно продолжаетъ:

— Да это не ты-ли? Вѣдь, кажется, ты тотъ самый мальчикъ, который возвратилъ мнѣ десять рублей? Такъ подойди же сюда поближе, я погляжу на тебя! Такіе мальчики, какъ ты, рѣдки...

Коля, Володя и Фрамъ подскакиваютъ къ нему и острая, жгучая радость наполняетъ вдругъ ихъ изстрадавшіяся сердца. Они кричатъ, визжатъ и сами не понимаютъ, что съ ними происходитъ, а господинъ гладитъ мальчиковъ по головамъ и старается ихъ успокоить. А когда проходитъ первый

приступъ радости, то онъ беретъ поѣздъ. Уже пора. Я насилу вась
ихъ за руки и говоритъ: здѣсь отыскалъ!

— Ну, а теперь пора! Идемъ! И всѣ трое выходятъ изъ камор-

— Куда? спрашиваетъ Коля и ки и начинаютъ спускаться съ

Послѣдній снѣгъ.

отъ радости боится не разслышать лѣстницы. Впереди бѣжитъ Фрамъ
то, что онъ ему сейчасъ отвѣтитъ. и отъ восторга громко лаеъ. Те-

— На вокзалъ!.. продолжаетъ перь собачьяго налога съ него не
господинъ.— Черезъ часъ отойдетъ потребуеъ уже никто!

Гіальмаръ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Три мальчика—сколько ногъ?

II.

Почему товарный поѣздъ ѣдетъ вдвое медленнѣе, чѣмъ курьерскій?

III.

Я нахожусь въ самомъ началѣ Москвы, въ серединѣ Самары и въ концѣ города Муромъ. Меня вы найдете въ мукѣ, маслѣ, въ мясѣ и даже въ морѣ и въ соломѣ.

Что я такое?

IV.

Что ходитъ лежа, стоитъ ходя и можетъ висѣть стоя?

V.

Задуманы три слова, означающія:

1. Часть экипажа.

2. То, что есть на каждомъ домѣ и въ каждомъ оркестрѣ.

3. Болтливую хищную птицу.

Изъ послѣднихъ слоговъ этихъ словъ составить новое слово, которое означаетъ очень извѣстное животное. Какія это слова и какое это животное?

VI.

Задуманы три слова, означающія:

1) Пѣвчую птицу.

2) То, безъ чего нельзя двигаться въ поѣздѣ желѣзной дороги.

3) Душистую ягоду.

Отъ cadaго изъ этихъ словъ взять по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ названіе сельскохозяйственнаго продукта.

Какія слова задуманы и какой это продуктъ?

VII.

Задуманное слово состоитъ изъ двѣнадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12.

Буквы 10. 11. 3. 5. 12 означаютъ хлѣбное растеніе, 11. 10. 5. 4. 12—произведеніе насѣкомаго, 4. 10. 9. 10. 11. 1—домашнее животное, 2. 3. 8. 10. 4. 10. 2. 12—судно, необходимое въ морѣ зимой, 11. 1. 4. 5. 6—то, что даетъ блескъ, 11. 10. 9. 10. 7. 12—хищную птицу, 5. 10. 9. 10. 4. 6—хищную птицу, 8. 3. 9. 3. 11. 10—растеніе, 8. 9. 10. 11. 1—то, что изъ этого растенія готовятъ, 4. 6. 5. 4. 1—головной уборъ.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе историческаго города въ Центральной Россіи.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 6, помѣщенныхъ въ № 6 „Золотога Дѣтства“.

Головоломки: I. Стрѣмя, кора, замокъ=Стрекоза. II. За локомотивомъ, III. Ласточка, колоколь, скоть, столъ, тачка. Задуманное слово—Частоколь. IV., Отець и дочь.

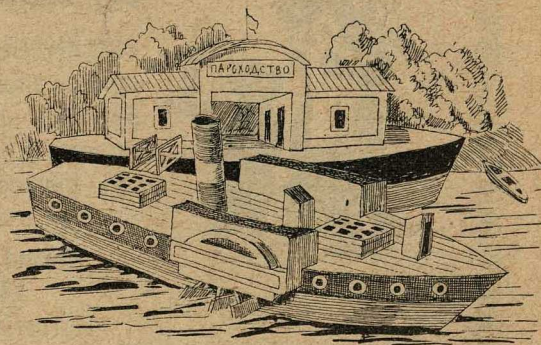
Ребусъ № 6. На + ре + з + комъ + вѣ + трубы + лотъ + ру + дно + у + сто + ять + на + нога + хъ=На рѣзкомъ вѣтру было трудно устоять на ногахъ.

Вѣрные рѣшенія прислали: Боря, Лева Альбинскій, Маня Фрумкина, В. З. Н. и М. Баньковскіе, А. и В. Колчины, Зина Троцкая, Манефа и Тратата, В. и О. Протопоповы, Нюся Кузнецова, Э. и В. фанъ-деръ-Ховенъ, Евгения Файнбергъ, Б. и Л. Петропольскіе, П. Г. Степановъ, Боря Байдакъ, Костя Сергѣевъ, Л. и В. Окснеръ, Толя Канюка, Лида Мануилова, К. Якимовскій, В. и И. Тимофеевы, Эстеръ Шмидтъ, Н. А. и Т. Лоренцъ, Коля Лупановъ, Н. Шапиро, Т. и А. Кургановичъ, П. Плотниковъ, Шура и Володя изъ Ямбирина, Ю. и К. Муратовы, Люся Ковалева, Витя Святенко, Свѣтинъ, Павловскій, Люба Мажурова, Миша Абаковъ, Оледа Гарфъ, Ната Стеклова, Миша Москаленко, Жоржъ Перепечкинъ, Володя Соколовскій, Шура Гольдштейнъ, Гриша Кобылинскій, Альфредъ Зандерсонъ, Костя и Зина Жаковы, Сережа Коротинъ, Боря Еременко, Тамарочка Вельцъ, Шура Вейсъ, Людмила Матузова, Ваня Грызулинъ, Сережа Рокалинъ, Нина Лукичъ, Чижевскій, Людмила Есаулова, Соня и Костя Люсины, Эрихъ и Бенита Денау, Лея Пажель, Люба Щеглова, Саша и Наташа Алекековы, Люся Ковалева, Вѣра Стрѣльцова, Станиславъ Маркевичъ, Т. Антонова, Елена Евреинова, Шура и Валя Сычевы, Чесъ Алексюкъ, Тая Тузлукова, Люба Злочевская, Александръ Сташукъ, Елена Стародубцева, Надежда Пѣтухова, Люся Красильникова, Зина Ривина, Шура и Митя Чемарины, Соня Гуппа-

рова, Наташа Попова, Зина Троцкая, Тася Долганова, Эдмундъ Валаевскій, Юра Ситникъ, Игорь Польскій, Вѣрочка и Петя изъ Волновахи, Эля и Оля Вельманъ, Аня Янчевская, Фаня Гадзяцкій, Тая Гидичъ, Маруся и Германъ Тизенгаузенъ, Додо и Галина Ушаковы, Гелій Славнинъ, Евгений, Влад., Руд. и Шура Глинтерникъ, Зина Свиридова, Витя Сегаловъ, Толя Макаровъ, Женя, Люся и Сережа Мокшановы, Валя, Коля и Нона Години, Элла Мартенсъ, Юра Молчановъ, Ксения и Костя Ефремовы, Сережа Кавелинъ, Паля Мухо, Володя Крестовскій, Фрида и Лиза Думпфъ, Вѣра Бари, Дѣти Кренигъ, Андруша и Тая Корсаковы, Иричикъ-Корзинчикъ, Вѣра Сафонова, Всеволодъ Ширшовъ. Ваня и Петя Гоосенъ, Шура Малолѣтковъ, Володя Павловъ, Валя Колачевъ, Юра Марковъ, Кира Калнынь, Тамара и Борисъ Булгаковы, Люба Хачкурузова, Маня Фрумкина, Варя Ганусовская, М. Г. Пермикинъ, Юрій Кругликовъ, Галя Бутовская. Катюша Караводина, Лиля Спонарвская, Бобъ Штральборнъ Шушу Леонтьевъ, Пана и Нюра Степановы, Георгій Сиверсъ, Дима Дягилевъ, Дѣти Клемътьевы, Ваня Веселовскій, Миша Корвинъ-Круковскій, Натуся Розенцвейгъ, Ника Гершельманъ, Жоржикъ и Боба Покотиловы, Ниточка Дембо, Володя Приходько и Солдатикъ Гофманъ, Женя и Валя Сасимъ, Тамара и Рита Ванягъ, Аля и Тамара Оямеръ, М. Бѣльскій, Соня и Ваня Чефрановы.

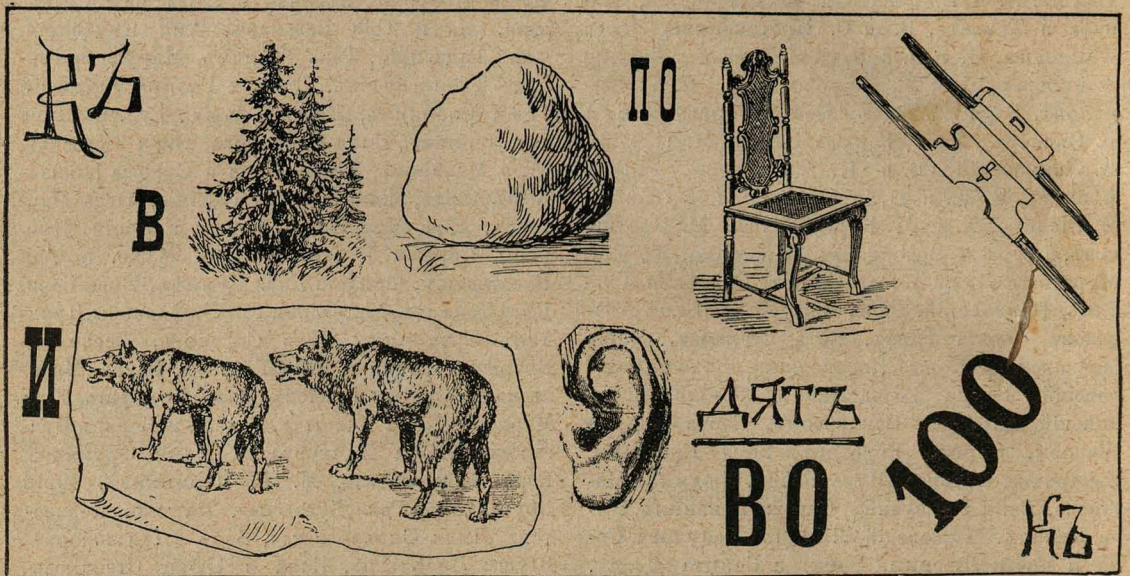
Такъ ли вы склеили приложение къ предыдущему № 7-му?

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 8.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 руб. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ по 45 коп. за экземпляръ въ переплетѣ и безъ переплета).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

♦♦ Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петрограда.

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
12 ИГРЪ для дѣтей.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“. (Печатается 2-е изд.).

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій пр., 26.